

ӘЛ-ФАРАБИ атындағы ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

**ҚАЗАҚ ӘДЕБИЕТІНІҢ ТАРИХЫ ЖӘНЕ
ТЕОРИЯСЫ КАФЕДРАСЫ**

Алматы
«Қазақ университеті»
2014

УЧЕТ РАЗЛИЧИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДВУХ ЯЗЫКОВ

(на материале романа-эпопеи М.О. Ауэзова «Путь Абая»)

Вполне разумеется, что воссоздание синтаксических особенностей в процессе перевода тем самым не может быть формальным и механическим (хотя бы даже в смысле количества и частоты повторений – ибо и здесь сказывается своеобразие разных языков). К сожалению, еще не достаточно написано работ, относящихся к взаимодействию в системе перевода казахского и русского языков, и в частности – в плане перевода известного романа-эпопеи М.О. Ауэзова «Путь Абая».

В ряде случаев русские переводчики «Пути Абая» оставляли вовсе невоспроизведенными многочисленными у Ауэзова автора повторения (в частности, в конце синтаксических отрезков). К.И. Чуковский и другие теоретики художественного перевода неоднократно отмечали, что переводчики зачастую бывают чрезвычайно невнимательны к построению текста подлинника, к имеющимся в нем повторениям и параллелизмам:

Вот перед нами **оригинал**: «Мезгілімен жетсе, әкесіне өмірінде бірінші рет жалынып, аяғын құша да өлтіртпей алып қалмақ еді. Кешігіп қалды» /1, 37/.

Как видим, весь этот фрагмент трижды пронизывают однородные глагольные конструкции: местоимение + глагол прошедшего времени: «если бы он успел», «он был обнял колени отца», «но он опоздал».

А. Никольская: «О, если бы он поспел вовремя! Он умолил бы отца пощадить Кодара. Он опоздал» /2, 52/.

Все все точно и правильно воспроизведен рисунок национального текста.

А. Ким: «Может быть, успеет он – спас бы его от смерти. Стал бы умолять отца, обхватив его ноги. Но опоздал» /3, 51/.

Во втором переводе мы как раз отмечаем невнимательность к построению текста подлинника, к повторениям и параллелизмам.

Совершенно такую же картину мы наблюдаем и в следующем фрагменте, где лексико-синтаксический параллелизм приводит к параллелизму психологическому, раскрывая философию авторских размышлений, воплощенный в своеобразном рисунке.

Вот пример, **оригинал**: «Таудан соққан суық ызғар, қатал мінездердің ызғары тәрізді. Ызылдаған суық лептің қарсысына ана жыры, мейір-шапқат жыры үн қосады» /1, 90/.

Очень точно воспроизведенный в переводе А.Б. Никольской, он раскрывает трагедию человеческой души через семантику холода природы. Холод природы метафорически воплощает холод жизни и ее жестокость и бесчеловечность. Этот холод в действительности противостоит теплу бабушкиной любви, всепобеждающей любви родного человеческого тепла.

А. Никольская: «Холодный ветер дует с гор - холодное дыхание бушующей там жизни, полной жестокости. Звуки бабушкиной песни, такие теплые и трогательные, встречаются с его порывами и растворяют в себе их леденящий холод» /2, 94-95/.

А. Ким: «Пронизывающий холод, стекающий с гор, замораживает души людские, делая их черствыми и жестокими. И только звуки бабушкиной нежной колыбельной – она, единственная, может устоять против холода человеческих сердец. Обладая какой-то необыкновенной покоряющей силой, эта тихая, едва слышная, напеваемая трепетным старческим голосом песенка способна спасти мир» /3, 118-119/.

Этой синтаксической ясности и четкости, этого лексико-синтаксического параллелизма мы не видим во втором случае. Здесь есть лишь некая общая идея, далеко отстоящая от рисунка и от четкости авторской мысли.

Национальная система мышления четко воспроизведена в синтаксическом рисунке, который характеризуется, прежде всего, не только агглюнативностью звукового строя, присущего тюркским языкам, но и своеобразному синтаксису, значительно отличающемуся от родовой синтаксической природы русского языка. Поразительно, что глубинная тектоника языка казахского языка и

внешняя его динамика, отражающая кочевой тип мышления, соотносимый с вечным движением мира, как нельзя идеально совпадает.

Оригинал: «Құнанбай ауылы көшкен шамада, айналадап өзге қалың ел де дүрк көшкен. Ойдағы мол шалғынды қыстаулық жер: Жидебай, Мұсақұл, Шүйгінсу сияқты қорықтардан да ағылып көшіп жатыр. Әр ел, тұс-тұсындағы Ақбайтал, Көлденен, Жігітек, Шатқалан, Бөкенші сияқты асу-асуларға қарай беттеді. Шыңғыстағы кей асулардың аттары таудың сол тұсын иемденген ру атымен аталады. «Жігітек», «Бөкенші» деген сондай аттар еді.

Бөкенші асуына Қодар қыстауы мен Жексен қыстауының аралығындағы кең сайды өрлеп баратын» /1, 48/.

А. Никольская: «Едва тронулся с Кольгайнара аул Кунанбая, другие ближние аулы тоже дружно снялись со своих мест. Они шли целой лавиной, разными тропами перебираясь через горные перевалы» /2, 62/.

А. Ким: «Обычно, придерживаясь времени, когда снимался на перекочевку главный аул Кунанбая, остальной кочевой народ соседних аулов тоже всей ордой приходил в движение, дружно отправляясь на джайлау. Тянулись караваны многолюдных кочевий – через богатые разнотравьем низины, – от зимовий Жидебай, Мусакул, Шуйгинсу и далее разными тропами через перевалы Чингиза. Отправлялись к самым ближайшим луговым урочищам за перевалом: Акбайтал, Колденен, Жигитек, Шатқалан. Некоторые урочища назывались именами родов, которым они принадлежали; «Жигитек», «Бөкенши»...

К урочищу Бөкенши путь проходил по широкому распадку между зимниками Жексена и Кодара» /3, 67/.

Сокращенный сильно фрагмент текста у А. Никольской объясняется незнанием ею важных национально-специфических закономерностей функционирования языка, непониманием непосредственной связи языка и мышления. В результате мы видим огромные пропуски иллюстраций, целых фрагментов народной жизни, пропуски названий зимовий и урочищ, важных составляющих о зимовках и кочевье, несущих культурную информацию, в конце всего – отсутствие необходимой связи национального ритма и национального синтаксиса в их органическом единстве.

Совсем редкое явление представляет собой систематическое, художественно рассчитанное использование в произведении «Путь Абая» такого элемента стихотворной формы, как рифма, которая встречается очень часто даже в прозаических фрагментах в силу сингармонизма казахского языка и однотипности глагольных конструкций типа: ішпей, тимей, үндемей, а также алып, калып, барып, и т.д. Например в одном из фрагментов встречаем и рифмы и созвучия, к ним близкие.

Оригинал: «Бұлардың ішінен заман зарын, көп мұның шертетін сөздерді, әсіресе, бөліп айтады. Барлас біреуді *мақтап*, біреуден *сұрап* жырлайтын ақын емес» /1, 54/.

В переводе А.А. Кима мы не встречаем этой поэтичности. При правильном воспроизведении общего смысла он далеко отстоит от национально-изобразительного синтаксиса, и поэтому текст перевода у него, хотя и правильный, но абсолютно русский.

А. Ким: «В этом нескончаемом потоке поэтических песнопений сам певец, помнящий все это наизусть, особенно выделял те произведения, в которых говорилось о страданиях и чаяниях народа. Барлас не относился к тем поэтам, которые свой дар сочинительства используют для лести перед сильными мира сего и перед богачами» /3, 74/.

Рифма, применяемая в казахском оригинале – важнейшее свойство, признак, характеризующий авторскую манеру повествования, повествующего о поэте Абае, о казахском поэтическом искусстве, поэтому и стиль художественной речи и весь синтаксис подчинены одной всеобъемлющей идее – показать мир художника и мир поэтического языка.

«Флективный строй русского языка, – отмечает А. Федоров, – и связанный с ним свободный порядок слов дают в руки переводчика исключительное богатство средств при переводе с языков разного типа» /4, 209/. Особенно это касается русского языка в арсенале которого имеются богатейшие переводческие традиции.

Эти средства находят применение в тех случаях, на которые указывают теоретики:

1. Когда в грамматической особенности языка оригинала нет формального соответствия в переводящем языке или совсем от-

существует та или иная грамматическая категория (напр., род, падеж, артикль) компенсируется смысловыми оттенками, вносимыми порядком слов.

Например, в казахском языке отсутствует категория рода и иноязычный переводчик «Пути Абая» должен исходить из контекста, понимая, кто перед ним – литературный герой или героиня.

Оригинал: «Жалғыз жанкүйері мынау қайғыдан сөніп бара жатқан, санадан солған бишара келін. Оның алды немене? Не болады? Бұны шешуге тоналып қалған көңілі баспайды. Батылы бармайды. Бөтен боп кете ме деп ойлай бастаса, Құтжаны бір өлген емес, екі өлгендей көрінеді» /1, 29/.

А. Никольская: «Его сноха Камка, любимая подруга сына, чахнет на глазах, безвольная, застывшая в своем горе. Что ожидает ее? Сердцу страшно ответить на это. Когда старик думает, что и она может уйти от него, стать чужой, ему кажется, что это так же ужасно, как смерть Кутжана. Тогда он второй раз лишится сына, – ведь он был отцом им обоим!» /2, 44/.

А. Ким: «Единственной душой, которая разделяла с ним неизмеримое безутешное горе, была невестка, сама тоже угасающая и от безысходной скорби постепенно теряющая разум. Ей стало все равно, что ожидает ее во тьме будущего. Обокраденная судьбою в любви, в женском счастье, она уже ничего другого не хотела. Тихое, незаметное для других людей ее великое, нежное, слабое супружеское счастье после смерти Кутжана отвергало всякие новые возможности; только лишь предположив, что на его месте может оказаться кто-нибудь другой, она приходила в ужас, и тогда ей казалось, что Кутжан умер еще раз» /3, 40/.

II. Когда возможность формально точного воспроизведения элементов языка подлинника и их последовательности существует, но приводит или к известному отклонению от смысла, или – что чаще – к нарушению языковой полноценности. Недаром в переводах так часто приходится наблюдать случаи замены одного грамматического оборота, формально допускающего дословный перевод, другим – более привычным с точки зрения литературной речи, или изменение порядка слов, вызванное той же причиной –

стремлением к языковой полноценности. В романе «Путь Абая» в двух предлагаемых к анализу переводах мы видим, что переводчики избежали важнейшей, ключевой характеристики литературного персонажа: майысқақ – приспособляющийся.

Оригинал: «Жым-жырт жиынның ішінен алдымен сөйлеген – майысқақ Қаратай» /1, 19/.

А.Б. Никольская опосредованно передала эту характеристику, правда, перенесла ее только на речь, а не на героя, и то описательно.

А.Б. Никольская: «Каратай первый нарушил тишину обдуманной и гибкой речью» /2, 37/.

У другого переводчика А.А. Кима мы видим замену одной характеристики другою: «словоохотливый».

А. Ким: «Первым, кто заговорил после тяжелого всеобщего молчания, был словоохотливый Каратай» /3, 26/.

Перестановка в данном, довольно типичном примере, применена, очевидно, для подчеркивания для показа образа действия и для попытки воссоздать хоть как-то нужную характеристику.

Насколько актуально настолько же сложно следовать синтаксическому построению, которое могло бы создаться при точном следовании порядку слов всех предложений подлинника и которое должно быть свойственно живой речи повествователя с ее разнообразием интонаций, предполагающих разнообразное синтаксическое оформление.

Оригинал: «Оған бұл ат әуелі – «Қозы Көрпеш – Баянның» Қодарын елестетті. «Сұм» дегеніне қарағанда да, былтыр Байкөкше ақын бұның шешелеріне жырлап берген Қодардың бейнесі сияқты. «Қодар деп соған ұксаған біреуді әдейі сол атпен айтып отыр ма» деп ойлады» /1, 19/.

Как видим переводчица А.Б. Никольская полностью попыталась воспроизвести рисунок. Цельные, наполненные богатой содержательностью, предложения, образуют равномерные синтаксические периоды, соответствующие казахскому оригиналу. Очень хорошо видно, как меняется строй русского языка, как в русском переводе преобразуется синтаксическая система, глаголы, определительные сочетания естественно и гармонично занимают присущие им в системе родного языка места.

А. Никольская: «При этом имени перед ним сразу же возник образ Кодара из песни «Козы-Корпеш и Баян-слу». И то, что отец назвал его «негодяем», тоже подходило Кодару из песни, которую в прошлом году здесь, в этой самой юрте, пропел его матерям акын Байкокше. Абай даже подумал, не нарочно ли прозвали Кодаром кого-нибудь похожего на героя той песни» /2, 37/.

Этот, на наш взгляд, достаточно правильный в синтаксическом отношении перевод принадлежит А.Б. Никольской.

В переводе А.А. Кима мы видим совершенно другой принцип, принцип объединения все синтаксических единиц в одно большое синтаксическое целое, то есть все содержание он вложил в одно предложение. Думается, в этом случае перевод потерял многое, не только рисунок, но и эмоционально-оценочные и содержательные основы национального текста, тесно связанные с типом национального мышления.

А. Ким: «Разве что напомнил он имя злодея Кодара из народной поэмы «Козы-Корпеш и Баян-Слу», которую слышал он в прошлом году из уст акына Байкокше, когда тот на празднике пел для его матерей в Большом доме» /3, 26/.

Достаточно отметить, что в примере последнего переводчика опущена фраза «Кодар деп соған ұксаған біреуді әдейі сол атпен айтып отыр ма» деп ойлады».

При этом нужно учесть, что в русском варианте другой порядок слов невозможен, в переводе же осуществляется выбор между возможностями, типичными именно для русского языка.

Нередко перестройка предложения при переводе, перегруппировка его членов связывается и с разбивкой его на два или более самостоятельных предложения, отделенных точкой или точкой с запятой. Этот переводческий прием используется в разных языках, и в нем нет ничего специфического для перевода именно на русский язык. Именно этот принцип мы видим в русском переводе А.Б. Никольской.

Оригинал: «Майыр Құнанбай, Алшынбаймен қол алысып амандасып болды да, жерге отырмай, Құнанбай қарсысындағы жалғыз орындыққа отырды. Үлкен көк көздері қылилау келген, бет-аузын қалың бұйра сары сақал басқан. Шүйдесі қып-қызыл

екі қатпар боп тұратын. Мұны қазақ атаулы өз атымен атамай, өзге майырлар сияқты, сырт белгілерімен атайтын. Жалғыз-ақ, бұрынғы майырларды бір-ақ белгімен «сұлу майыр», «семіз майыр» деп немесе бетінің секпіліне қарап «тарғақ майыр» десе, мынаның сыртқы түсі, түгі талай ат атауға өз-өзінен сұранып тұрушы еді.

Сондықтан мұның атын неше саққа мінгізіп кеп, бірде «шапыраш» майыр, бірде «жүндес» майыр, бірде «піскен бас» майыр деп те атасатын. Құнанбай, Алшынбай айналасы оны ақылсыз деген болжалмен, көбінесе, сол «піскен бас» майыр деуші еді» /1, 103-104/.

А. Никольская: «Майор пожал руку Кунанбаю и Алшинбаю. На пол он не стал садиться, а опустился против Кунанбая на единственный стул, стоявший у стола. Большие голубые глаза майора немного косили. Лицо его обрамляла курчавая светлая густая борода. Багровый затылок был в жирных складках.

Обычно между собою казахи не называли «майоров» по имени: они давали им прозвище по их внешнему виду. Прежних майоров звали по какому-нибудь отличительному признаку: «усатый майыр», «жирный майыр», а одного - рябого - «дергач-майыр»¹. Внешность нынешнего начальства давала повод для самых разнообразных прозвищ. Его звали «косоглазый майыр», «волосатый майыр», «брюхатый майыр». Кунанбай и Алшинбай, считавшие его человеком крайне недалеким, держали его под кличкой «пискенбас-майыр», что означало «вареная голова» /2, 105/.

Другой переводчик А.А. Ким все же не следует воссозданию синтаксического ритма, своеобразного рисунка, поэтому объединяя все в одно целое он несколько теряет в передаче национального своеобразия оригинала и в специфике авторского повествования.

А. Ким: «Майор поздоровался за руку с Кунанбаем и Алшинбаем и, не взглянув на остальных, уселся на единственный стул, стоявший чуть в стороне от стола. Выпуклые голубые глаза майора немного косили. Вокруг губастого красного рта кудрявилась

¹Так как большинство царских чиновников в Западной Сибири были военные, казахи всех обычно называли «майора, искаженно — «майыр».

густая растительность усов и бороды. Коротко подбитый затылок состоял из двух мощных жировых складок.

Между собой казахское население не называло русских «майыров» по именам, удобнее было – по прозвищам, данным чиновникам из-за особенностей их внешности. Так, были «Красивый майыр» и «Жирный майыр», и «майыр Конопатый». У нынешнего же майора, весьма богато одаренного разными яркими особенностями обличья, было несколько прозвищ. Он был и «майыр Шапыраш», то есть косоглазый майор, и «Жундес майыр»-волосатый майор, и «Майыр Вареная Голова», имея в виду насмешливое признание за ним глубокого ума, которым он особенно не отличался в глазах приглядчивых степняков. Кунанбай и Алшинбай, считавшие его человеком крайне недалеким, охотнее всего называли его «Пискен-бас», Вареная Голова» /3, 134/.

Но для перевода на русский (с различных языков) специфично то, что он постоянно применяется в связи с характерными для русского языка синтаксическими построениями, требующими изменения в синтаксической линии предложения и приводящими к разбивке его, как целого, который мы и видим в переводе А.Б. Никольской.

В качестве примера – один фрагмент из «Пути Абая», формально допускающий дословный перевод и сохранение его единства. Однако общее требование соответствия русской литературно-языковой норме вызывает в переводе его перестройку. Интересно пронаблюдать описание Кунанбая:

Оригинал: «Түсі суық. Қара сұр жүзіне бозғылданып түгі де шығып алыпты. Жалғыз өзі ұзақ сөйлеп отыр. Зор даусында ыза мен зіл бар. Кейде Абайға қызық көрінетін бір мақалдар, мәтелдер айтылып кетеді» /1, 17/.

А. Никольская: «От Кунанбая веет холодом. Властное лицо хмуро и жестоко. Слова его, резкие, внушительные, падают с гневной тяжестью. Речь его пересыпана пословицами и поговорками» /2, 35/.

В следующем предложенном нами варианте перевода романа-эпопеи «Путь Абая» А.А. Кимом мы видим многословие, разбавление синтаксической четкости и объединение более четких,

коротких по форме отрезков в одно целое, что мы и видели раньше.

А. Ким: «Жутковатым предстает грозное обличие отца, на его темном, сером лице шевелится седая щетина. Он говорит один, говорит уже долго, в низком, рыкающем голосе слышатся гнев и досада. Но в его многословной речи иногда проскакивают удивительные пословицы и поговорки, они-то и интересны Абая» /3, 23/.

Очень важно в процессе перевода учитывать различия синтаксических возможностей двух языков и творчески подходить к воссозданию синтаксической структуры национального текста. Без такого учета эффективность адекватного воссоздания значительно снижается и, соответственно, снижается результативность и актуальность смысла перевода.

Список использованной литературы:

Әуезов М. Абай жолы. Роман-эпопея. Бірінші кітап. Абай. – Алматы: Жазушы, 2003. - 365 б.

Ауэзов М. Путь Абая. Перевод под ред. Л. Соболева. – Алма-Ата: Жазушы, 1987. - 605 с.

Ауэзов М. Путь Абая. Книга первая. Перевод А. Кима. – Алматы: Жибек жолы, 2007. - 467 с.

Федоров А.В. Введение в теорию перевода. – М.: Издательство литературы на иностранных языках., 1958. – 374 с.